По Фергане. 7. Подъем на Малый Алай

Е. Л. Марков. Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. — СПб., 1901.

Кочевье киргизов на Алае. Экспедиция К. Г. Маннергейма, 1906

Ехать на Алай, в гости к киргизам, мы собрались целою приятельскою компанией. В просторный тарантас впряжена была тройка бойких киргизских лошадей и солдат вместо возницы. Две наши дамы, жена моя и М. П. С., поместились на заднем сиденье, а мы с Н. Г. Г<лушановски>м впереди; но я нашел, что с высоты козел мне будет гораздо удобнее и свободнее схватывать взглядом картины

местности и все, что будет встречаться нам в этой любопытной стране, чем сидя задом к лошадям на узенькой лавочке тарантаса; поэтому сейчас же, как только выехали из города, я перебрался на козлах и отлично устроился рядом с доморощенным кучером нашим.

Мы переправились по новому мосту через зловеще гудевшую Ак-Буру. Пришлось проехать насквозь весь туземный город, все его базары и гузары.

При виде мундира начальства, солдата на козлах и скачущих впереди джигитов, базарная толпа разом преображалась. Все вдруг смолкало как по мановению волшебного жезла. Кто шел — тот останавливался на месте; кто ехал верхом — мгновенно осаживал коня и спрыгивал с седла. Сановитые халатники в величественных тюрбанах, важно восседавшие на супа´х и ковриках чайхане и аш-хане, торопливо покидали свои чашки чаю и недоеденные куски шашлыка; жирные торговцы, сонливо отпускавшие товары покупателям, бросали свои аршины и куски материи, и все, соскочив на землю, становились в ряд, как послушные дети перед строгим учителем, почтительно приветствуя проезжавшего мимо правителя приложенными к груди руками. Иные усердствовали еще больше и низко кланялись ему, препотешно сгибаясь пополам в пояснице и в то же время ничуть не наклоняя головы, а продолжая подобострастно смотреть в глаза начальству, быстро оглаживая рукою лицо и бороду, и прикладывая руку к сердцу; из-под их смиренно-лукавого вида проглядывало, однако, что-то такое злое и хищническое, что вы даже на одну минуту не могли оставаться в заблуждении насчет истинных чувств, одушевлявших этих низкопоклонных чалмоносцев при виде русского офицера. Это уже далеко не красавцы-таджики, которыми кишит Бухара или Самарканд, а подлинные монгольские лица, безобразные до животности, хотя все-таки они сарты, а не киргизы.

Меня и здесь, как во многих других городах Средней Азии, поражало множество женщин, укутанных в свои паранджи — длинные темно-синие саваны, — без всякого дела толкавшихся по базарам и улицам. Это дает, во всяком случае, довольно своеобразное понятие о том затворничестве, в котором будто бы пребывает азиатская женщина.

За Ошем открывается красивый вид на Улькан-Тау, Алтын-Казык и весь Малый Алай, сияющий среди синего неба зубчатыми пирамидами своих снеговых вершин.

Мы все поднимаемся легким изволоком в гору; воздух делается заметно свежее и не томит нас своим раскаленным дыханием. Зеленые холмы волнуются кругом, кое-где вспаханные под богару, то есть яровые посевы, не орошаемые арыками, увлажаемые единственно весенним дождем. Дальше прекращается и богара, стелются одни травянистые пастбища. Попадаются кое-где кишлачки и зимовники киргизов. Царство сартов тут уже кончается. Зимовник — это обыкновенно опустевший загон, обнесенный полуразрушенными глиняными дувалами, с чуть заметною плоскокрышею мазанкою в углу из той же глины. Два-три чахлых деревца, приютившихся где-нибудь у ограды, служат не столько убежищем от солнца, сколько сигнальным знаком своего рода, издали заметным путнику.

Внутри этого загона и кругом его стен скучиваются обыкновенно на зиму кибитки киргизов, чтобы хотя немного защитить себя и скот от насквозь пронизывающих зимних бурь.

Чем выше поднимаемся мы, тем больше начинают заслонять от нас снеговую цепь сухие каменистые гребни, покрытые теперь яркою травою только по случаю недавних весенних дождей. Они вырастают незаметно справа и слева двумя сплошными стенами и наконец

образуют собою широкую долину реки Талдыка, вверх по которой нам приходится ехать порядочное число верст. Талдык — типичная горная река. Она растекается по своему руслу множеством змеею вьющихся быстрых протоков, которые едва набирают сил пробираться сквозь сплошное ложе крупной гальки, покрывающей все дно долины.

Кибитки начинаются сейчас же за последними кишлаками. Они чернеют своими одиноко разбросанными муравьиными кучками в зеленых складках и пазухах гор, и у самого подножья их, и высоко наверху. Все чаще и чаще появляется в пейзаже верблюд, все звонче и радостнее поют горные ручьи, выбегающие из тесных боковых ущелий в широкое русло Талдыка. Навстречу нам то и дело двигаются своеобразные караваны. Теперь 2-е мая, конец здешней весны, начало горного лета. Кочевники, как перелетные птицы из южных стран в северные, сбиваются теперь в стаи и тянут общею тягою с равнин предгорий на заоблачные альпы Алая, Заалая и Памира.

«Памир» собственно и есть туземное название высоких альпийских равнин; слово это нарицательное, применяемое ко всякому заоблачному плоскогорию, и если под именем Памира европейские географы знают только определенную страну к югу от нашей Ферганы и к западу от Кашгара, то в глазах кара-киргизов Алая или сартов Оша «памиры», хотя и не такие громадные и величественные, как пресловутая «крыша мира», одинаково существуют и на Алайском, и на Заалайском, и на Ферганском хребте.

Алай, к югу от Гульчи. Перекочевка киргизской семьи. Экспедиция К. Г. Маннергейма, 1906

Переселяются киргизы целыми родами, потому что и здесь внизу, и там на альпах земля принадлежит родам, а не отдельным семьям, да и отстоять свои права на эти никем не защищаемые и никакими межами не отграниченные пастбища от захвата других кочевников под силу только всему роду. С глубоким интересом смотрел я на эти картины из жизни первобытного человечества, которые были вековечною стариною еще во времена первых библейских патриархов; вереницы верблюдов, нагруженных коврами, войлоками, барданками, гнутыми деревянными остовами кибиток, полосатыми мешками, набитыми платьем и всякою рухлядью, бесхитростною посудою и утварью несложного кочевого хозяйства, — шли, мерно шагая и глубоко увязая в наносах хряща, один за другим, вытянув шеи, как журавли на полете.

Пестро разодетые киргизки в своих высоких и ярких головных уборах, в полосатых канаусовых халатах, восседали, окруженные такими же пестроодетыми детишками, на горбах самых сытых верблюдов, по-праздничному разукрашенных разноцветными коврами, махрами, уздами…

Киргизки здесь вообще одеваются очень щеголевато. На голове у них затейливые тюрбаны, высокие, как башня, с концами, висящими назад; у молодых они еще обшиты бахромой, расшиты золотом, украшены монетами.

Волоса заплетаются в мелкие косы, и каждая коса охвачена на конце довольно изящною и не дешево стоющею трубочкою.

Особенно поразила меня роскошью своих шелковых одежд одна молодая и красивая киргизка, перед которою поперек горба была увязана ярко расписанная, выточенная из дерева колыбелька. По-видимому, эта совсем еще юная мать бережно везла в ней своего недавно рожденного первенца.

На верблюдах были только женщины, дети и домашняя утварь; на иных даже прямо виднелись привязанные к горбу неразобранные круглые верхушки кибиток и верхние обручи их, называемые чангарак. Все же мужчины, молодые и старые, ехали на конях впереди и сзади каравана, с канчами (ногайками) в руках, а некоторые вооруженные союлами (дубинами), гоня перед собою стада овец, коров и молодых верблюжат, и готовые при малейшей опасности броситься на защиту своего добра или вдогонку за дерзким грабителем.

Бродячие рыцари пустыни всячески стараются воспользоваться суетою и беспорядком, неразлучными с многодневною перекочевкою в дальние пастбища целых становищ с их стадами и

рухлядью, поэтому ночные грабежи и воровства случаются в это время очень часто, и киргизам — охранителям караванов, а особенно верблюдовожатым — лаучам, — необходимо быть всегда настороже, иметь, что называется, ушки на макушке. Не даром выработался и характерный крик, которым здесь перекликаются ночные караульщики: «Караб-утырь!» то есть «Сиди и гляди!»

Попадались нам киргизы и верхом на коровах. Признаюсь, я в первый раз в своей жизни видел таких оригинальных всадников и смотрел на них с особенным любопытством. Езда на коровах представляется, однако, здешним жителям нисколько не странною; везде в степи киргизы и калмыки употребляют коров под верх и даже изобрели для них особенные седла.

Замечательно, что и в древности монгольские племена имели обычай ездить верхом на коровах. Плано Карпини в своей известной книге «Libellus historicus» говорит про татар 13 века, что они сидели *«на лошади или на быке»*. Потом уже я перестал удивляться этому обычаю кочевников, особенно после того, как побывал на Малом Алае, где можно встретить всадника даже верхом на яке, самом удобном животном для путешествия по горам.

———

Глядя на встречавшейся нам народ, на все эти коричнево-смуглые скулистые образины, с раскосыми глазами, с широкими приплюснутыми носами, суровые, густо обросшие черным волосом, поймешь, почему их называют «черными киргизами» («каракиргиз»). Странным образом среди них то и дело попадаются ожиревшие толстяки, хотя, казалось бы, непрерывная кочевка, постоянная жизнь на седле или на горбу верблюда не должны бы были располагать человека к ожирению.

Должно быть, слух о проезде уездного начальства уже разнесся где следует, потому что в разных местах нам попадались кучки киргизов с чекменями в руках, торопливо испрявлявшие дорогу. В одной лощинке стояла изрядная грязь, и местный амин, или волостной старшина, человек повелительного вида, в белой чалме и красивом халате, хлопотал закидать эту грязь сухою землею, распоряжаясь довольно многолюдною толпою мардекеров (копачей). Однако он, по всей вероятности, опоздал своим усердием, потому что тарантас наш, нырнув передком в грязь, сразу загруз в ней; лошади стали, несмотря на крики и удары кнута.

В одно мгновенье Г<лушановски>ий выпрыгнул из тарантаса и бросился к амину. Не успел я оглянуться, как белая чалма злополучного амина закачалась во все стороны, а Г<лушановски>ий, не говоря ни слова, возвратился и сел на свое место, будто ни в чем не бывало.

Толпа мусульман в страхе глядела, разинув рот, на эту импровизованную расправу русского начальства с их величественным амином.

По-видимому, и они, и сам амин находили все это совершенно в порядке вещей. Вероятно, без такого рода быстрых и решительных взысканий, приноровленных к грубым понятиям населения, трудно поддержать порядок в этом диком крае. Но тем не менее мы были озадачены этою неожиданною выходкою нашего всегда сдержанного спутника.

Зато при возвращении нашем обратно из Гульчи мы уже не застали здесь ни малейшего следа грязи, и тарантас наш переехал эту злополучную лощинку как по шоссе. Нельзя во всяком случае не признать, что письменные выговоры или жалкие слова вряд ли достигали бы каких-нибудь практических результатов среди

дикарей, привыкших к невообразимо жестоким расправам былого ханского управления.

———

В Ак-Джаре (по-русски «Белый овраг») разбросанная группа деревьев образовала маленькую рощицу. Тут тоже шли работы. Чистили старый хауз, или прудок, который служил водопоем верблюдам и лошадям; рабочие отдыхали после обеда, лежа на кошмах в тени деревьев. С ними быль сам мин-баши, важная особа своего рода, соответствующая по власти кавказскому наибу. И мин-баши, и все люди его вскочили на ноги при нашем приближении. Они, очевидно, тоже знали о приезде начальства и ожидали его. Мин-баши оказался толстяком в очках, в богатой чалме и халате. Он раболепно поймал двумя своими огромными лапами протянутую ему руку русского начальника и чуть не поцеловал ее. К нашему отряду присоединился теперь мин-баши с своим джигитом, и всех нас набралось теперь больше десяти человек.

Мы все были утомлены и нетерпеливо дожидались роздыха. К нашему благополучию, он был уже недалеко.

Мазар в Ленгаре живописно белеется среди окружающих его камней на фоне зеленых гор. Шесты, обвешанные конскими хвостами на медных яблоках и разноцветными тряпками, торчат перед его скромным глиняным купольчиком, будто водруженные копья воинствующего ислама, — далеко видные с дороги.

Здесь погребен действительно воин ислама, память которого очень почитается местными жителями, хотя и не особенно приятна нашему брату русскому. Герой этого памятника ранил нашего Куропаткина, теперешнего генерал-губернатора

Закаспийской области, во время его посольства в Кашгар, и был убит на этом самом месте родным братом Куропаткина.

Мазар этого воина-фанатика как раз над водою у горного ключа. Оттого-то он стал обычным местом роздыха для караванов, тем более что он приблизительно на половине дороги из Оша в Гульчу. Кругом его поднимаются по скатам гор привольные зеленые пастбища. Вон и теперь целый караван навьюченных верблюдов отдыхает около всеми чтимого мазара; так и хочется схватить карандаш и набросить в альбом эту характерную азиатскую сцену со всеми ее живописными подробностями.

Русские тоже воспользовались Ленгаром как удобнейшим перепутьем. Практический взгляд Скобелева сразу решил, что тут должна быть русская военная станция для сообщения Оша с крепостью Гульчи. Скобелев приказал построить тут дом для остановки и ночлегов и поселил тут маленький караул.

В первой просторной, хотя и полутемной комнате — кухня и помещение для джигитов и простых солдат. Другая комната с камином и двумя широкими супа́ми, укрытыми коврами, — для ночлега проезжих офицеров. Нас очень позабавила курьезная надпись, которую мы прочитали на стене этой комнаты: «Ищу титулярную советницу Вильгельмину Михайлову, кто в Бога верует и знает, где она существует, прошу уведомить в Гульчу, в интендантский магазин Михайлова». Это слегка рехнувшийся, несчастный чиновник военного ведомства, от которого бежала жена, — бесплодно вздыхает о помощи к редким проезжим, случайно заглядывающим в Ленгар.

С детским аппетитом и детским искренним удовольствием поели мы горячего плова, который нам живо приготовили бывшие с нами туземцы. В этом мелко изрубленном душистом и сочном мясе горного баранчика, пропитывающем своими соками разваренный

рис, — нет ничего общего с тем «пилавом», который мастерят наши русские повара.

———

В Ленгаре уже необходимо бросать экипаж и «всесть на борзых коней», потому что сейчас за Ленгаром начинаются настоящие горы, — отроги Малого Алая. Подъем делается резко крут, со всех сторон открываются прекрасные виды. Особенно поразительное впечатление производит перевал Тока´ (по-русски «Подкова»). Только что привычные кони наши успели вскарабкаться на вершину высокой конусообразной горы, выстланной, будто зеленым бархатом, молодою травою, как по ту сторону горы распахнулось под самыми ногами нашими неохватное провалье; титаническими ступенями сходят в эту глубокую котловину, населенную внизу холмами, лесами и скалами, — зеленые скаты окружающих гор. Там, далеко внизу, копошится в складках холмов целый аул кибиток. Вон какая-то ярко-красная комашка, не больше травяной тли, карабкается там чуть не по отвесному обрыву скалы. Вы с трудом верите, что это киргизка в своем кумачовом халате лезет с кувшином за водою к горному ключу.

На заднем фоне этой громадной пропасти, выдвигается, будто эффектная декорация театра, из затуманенной далью глубины, гигантская голая стена с красными потеками, из-за него тяжкая лохматая масса лесами покрытой горы. Ребра ее тоже в кроваво-красных пятнах и потеках, словно она только что с тяжкими усилиями прорвалась наверх сквозь жесткие толщи земные и ободрала себе до крови, оголила до костей свое могучее каменное тело.

Эти богатые жилы ярко-красной железной руды, не уступающие по прелести цвета никакой мумии, умбре или сиенской глине —

конечно, никем здесь не разрабатываются, да и вряд ли обращают на себя чье-нибудь внимание, а между тем они встречаются далеко не в одном месте Ферганской области.

Спуск по карнизам горы, все время над бездною провалья, повернул наконец вправо и привел нас к единственному выходу из гигантского амфитеатра, которым мы только что любовались. Не скажу, чтобы мы взглянули на этот оригинальный выход с особенно доверчивым чувством. Даже и при моей привычке к горным странствованиям делалось несколько жутко, когда пришлось спускаться по узкой осыпи камней, сдавленной между двумя стенами скал, под углом 45 градусов. Никакого следа тропы, потому что наши камни ползут и сыпятся, как горох по крутому откосу. Вся глубина пропасти, в которую вы лезете, все время перед вашими глазами, прямо под ногами вашими, и нужно обладать нервами киргиза, чтобы хладнокровно смотреть в эту головокружительную глубину. В довершение удовольствия и для вящего успокоения вашего, лошадь ваша то и дело скользит вниз вместе с обсыпающимися камнями, на всех своих четырех гладких подковах без шипов. Тогда вам невольно представляется, что вы скатываетесь на салазках с какой-то непомерно крутой ледяной горки.

Единственная возможность и лошади, и всаднику не полететь вниз — это пересекать постоянными зигзагами крутизну откоса. Мы все тщательно проделываем это, стараясь ступать в следки передовых лошадей. Молодец Г<лушановски>ий, не обращая ни малейшего внимания на крутизну, удирает себе вперед во главе отряда на своем лихом коньке. Ему слишком часто приходится спускаться и подниматься по таким осыпям, чтобы он еще давал себе труд замечать их.

Характерны и стены этого спуска: голые округленные скалы, неразличимо похожие друг на друга, откачнулись от нас в обе

стороны, словно поваленные друг на друга башни какой-нибудь титанической крепости. Но вот кончился этот жуткий откос, и перед нами новая панорама, уже в другом вкусе: опять масса гор, нагроможденных друг на друга, красного и бледно-телесного мрамора, а на плоских макушках их, соседних с облаками, ярко-зеленые, как малахит, пастбища. Причудливые переливы этих оригинальных красок сочетаются между собою в удивительной гармонии. Бедные киргизские зимовки виднеются на далеких вершинах гор, поднятых резкими углами, тяжкими пирамидами и гигантскими зелеными скатами прямо в синие небеса. В ущельях, сквозящих синеватым туманом, чернеют кибитки. Разноцветные букашки, белые, рыжие, желтые и черные, ползают там и сям на недоступных обрывах. Это пасутся лошади кочевников. Белесоватыми лишаями выделяются на гигантских неохватных горных пастбищах рассеянные везде стада овец. А у ног этих мраморных и малахитовых громад, окруженное ими со всех сторон, как грозною стражей, сияет своею спокойною лазурью круглое блюдо озера Каплан-Куль. И над ним тоже одинокий мазар с своим неизменным глиняным купольчиком, с шестами, хвостами, тряпками и бараньими рогами...

Живописная кучка киргизов в характерных остроконечных колпаках толпится у мулушки, на берегу этого ясного озера.

— Селям-алекюм! — приветствует их провожавший нас амин, подъезжая к ним вплотную конем и подавая руку каждому из них.

Киргизы, подобострастно согнувшись, бегут навстречу амину и обеими руками ловят его руку.

— Алекюм-селям! — бормочат они, проворно поводя рукою по лицу и бороде и, очевидно, расспрашивая его на своем непонятном для нас языке о русской кавалькаде.

Это туземные жители из соседних кибиток. Кибитки тут раскинуты решительно везде, как грибы после дождя. Горные скаты и ущелья еще покрыты здесь сочною обильною травою, и нет пока надобности подниматься выше с своими стадами. У кибиток везде народ, везде ярко вырезаются на зеленом фоне травы — красные, как сюргуч, киргизки. И лошади тут тоже везде, голова кружится смотреть на те заоблачные кручи, где они беспечно пасутся, придвигаясь к самым краям обрывов, а между тем киргизские всадники дерутся к ним прямо по этим кручам, с таким же хладнокровием, как мы ездим по ровному полю. Поистине, пауки, а не люди, пауки, а не лошади — в этих горных трущобах.

Долина Гульчи показывается только после второго перевала. Спуск с этого перевала хотя и нисколько не опасен, но зато утомителен до´нельзя. Он тянется несколько верст, постоянно обманывая глаз перспективою долины, что стелется у наших ног, — кажется, рукой подать, — но до нее ехать нужно еще много часов. Лошади утомились и идут уже не прежнею твердою и бодрой походкой, а то и дело сбиваются с шага и спотыкаются. Утомились порядком, и мы сами. Хотя до крепости Гульчи считают от Оша верст 70, но, судя по времени, которое берет этот путь, в этих никем не меренных 70 верстах наберется, пожалуй, и все 90. Не считая езды в тарантасе до Ленгара по камням и хрящу, тоже не особенно покойной, — только от Ленгара до Гульчи приходится сделать верхом около 36 или 40 верст, по местному счету, а по-настоящему — и добрых 50.

Впрочем, туземцы-киргизы верст не знают и на версты не считают. Вместо версты у них — чакрым, расстояние, на котором слышен человеческий голос, что для них в пустыне бывает гораздо важнее счета сажен.

Только один из всех нас Г<лушановск>ий, закаленный в горных походах, продолжает по-прежнему бойко подвигаться вперед во главе нашего отряда, мягко покачиваясь на своем покойном и сильном иноходце. Его пример ободряет нас, и мы чаще постегиваем ногайками своих отстающих коньков. О киргизах я, конечно, не говорю. Киргиз не знает никакой устали и не обращает ни малейшего внимания на то, сколько часов или дней ему приходится сидеть на седле. Он на нем и спит, и ест так же спокойно, как у себя в кибитке.

Спуск к Гульче все время вьется по карнизам гор, окружающих долину. Река Гульча давно уже видна нам с высоты во всех своих капризных извивах. К заходу солнца погода резко переменилась, и вместо знойного дня надвинулись дождливые сумерки. Уже не раз дождь прорывался на нас легкою дробью из лохмотьев серых туч, плававших над нами. Нужно было спешить переправиться через реку, без того очень бурливую и опасную, раньше, чем она вздуется от дождя и наступит ночь. А между тем перед нами раскрывался такой широкий и могучий пейзаж, что хотелось досыта налюбоваться им с своего горного карниза.

Целое население гор-исполинов толпилось напротив нас, за длинною и узкою долиною Гульчи, которой резкие свинцовые зигзаги блистали в этом туманном полусвете дождливого заката, среди влажных зеленых низин, как жесткие полосы стали. За зелено-красными горами первого плана высились лилово-зеленые, за ними глубоко-синие и густо-лиловые, еще дальше туманно-серые, и наконец из-за плеч всех этих громад, завязнув головами в лохматых серых тучах, приподнимались далекие снеговые великаны Большого Алая. Они так тесно сливались своими туманами и снегами с туманами неба, что белые потоки их ледников, казалось, текли прямо из облаков, как струи молока из переполненных сосцов матери.